

Берие Николаевич,

✓ Дошла до меня точка, что
кто-то преинтерпретировал Вас, что
наше Движение сбалансированной
опозицией российскому правительству.
Это выдумки, кому-то, видимо,
выгоднее

Ничего подобного ни на Съезде,
ни в резолюции не было. Необорот,
Съезд оверт даже там же на это.

Для любого нормального человека
яко, что представлять сейчас Вам
кошку прямо непорядочно, если
даже существовать такие точки
по деталям.

Что касается моей точки
зрения на этот счет, то
прошу посмотреть собр. II
моего доклада на Съезде

Как всегда с уважением

17.11.91

Н. Акиваев
N 8401

арх-463
17.11.91

Учредительный съезд
Движения демократических реформ
14-15 декабря 1991 года,
Концертный зал "Россия"

О НАСТОЯЩЕМ И ПРЕДСТОЯЩЕМ

Дорогие товарищи по великому делу свободы и возрождения Отечества!

Время быстротечно, события непрогнозируемы даже в большей мере, чем мы думаем. За ними не угнаться.

Да вовсе и не обязательно сразу, немедленно ставить на каждом событии печать оценки. Жизнь - не справка чиновника. Она отрицает - рано или поздно - верхоглядство, торопливость и всяческие претензии на компетентность во всех вопросах. Кроме того, пора и отказываться от ритуала обязательных перечислений проблем без глубокого в них проникновения.

Вот почему ограничу себя изложением некоторых концептуальных положений, связанных с пониманием фундаментальных основ демократических преобразований в специфических условиях нашей страны.

Тезис первый. Характеристика момента.

Основное в сегодняшней ситуации - ее глубочайшая внутренняя парадоксальность и запущенность.

Кажется, рухнуло или разрушено все то, что камнем висело на судьбе народа, что цепко удерживало нас в прошлом, стеной отгораживало от малейшей возможности демократии, здравого смысла, давно назревших перемен. И вроде бы открыта дорога самым прогрессивным преобразованием.

Но в реальной жизни все сильнее пробиваются тенденции, делающие демократические перспективы все более трудными и отдален-

ными. Такие тенденции присутствуют во всех без исключения сферах. Они поднимают планку вероятности нарастания хаоса и насилия, а тем самым и авторитарных устремлений как якобы единственно эффективного способа преодоления всего деструктивного.

Сокрушить завалы сталинизма можно было только мощнейшим тараном, поскольку эта сложившаяся система напрочь отвергала любое поползновение к здоровой реформе. Прямая и смелая атака Хрущева кончилась поражением, однако не удалась и брежневская реставрация. Наступило время неопределенностей. Развязка приближалась.

Она пришла в форме перестройки.

Но революция перестройки, рассчитанной на мирный характер - революция элитарная. Иной, видимо, и быть не могла. Она родилась в политически наиболее активной части КПСС и общества. Здесь же и столкнулась с самым ожесточенным сопротивлением и неприятием. Здесь она лепила своих сторонников и противников, идеалистов и конъюнктурщиков, своих азефов и троцких, спиридоновых и милюковых.

Сегодня ясно, что революция "сверху" исчерпала себя. Она, - пожалуй, уже с лета 1988 года, - стояла на развилке:

- превозмочь в чем-то саму себя и стать революцией подлинно народной, демократической, максимально далеко идущей, действительно несущей обществу всю полноту свобод, - экономических, политических, духовных - естественных для конца XX века;

или же

- остаться верной себе, замкнуться в своем кругу - и тогда либо потерпеть поражение от сталинистской реакции, брежневского консерватизма, либо рискнуть оказаться украденной у самой себя теми силами, что лишь прикрываются ее словами и лозунгами, а на

84

деле стремятся всего лишь к перераспределению власти в рамках прежних общественных отношений.

Переломить себя перестройка не смогла. Разбуженные ею социально-политические силы народа оказались невостребованными, при этом старые структуры оставались, они продолжали действовать против преобразований.

С осени 1990 года реакция и консерваторы поднялись в открытый бой. Вдохновляющим сигналом для них, убежден, послужило принятие программы "500 дней". Это была ошибка с тяжелыми последствиями. Она продемонстрировала, что перестройка готова отступить, стоит только нажать сильнее. Так был открыт путь и к крови в Вильнюсе, и к генеральной репетиции путча в Москве 28 марта этого года. И наконец, предложение о снятии Президента СССР с поста генсека партии, что символизировало собой открытый разрыв "реакционно-обновленной" КПСС с самой идеей преобразований.

Политически все это было логично, просто не могло не произойти после того, как все очевиднее обнажалось странное отсутствие у лидеров перестройки подлинного взаимопонимания с леводемократическими силами, а у последних - отсутствие четких программных установок.

Августовский путч не упростил обстановку, а во многом и усложнил ее.

Можно только надеяться, что новая обстановка приведет к углублению реформ. Это объективно устраняло бы многие недоразумения, недомолвки, подозрительность и прочее. Но пока, к сожалению, продолжается затянувшееся выяснение того, в какой стране мы живем и в какой предстоит жить.

Конечно, было бы наивно полагать, что преобразования рано или поздно не коснутся самих основ государственного устройства.

Государство было главным инструментом политики, экономики, идеологии сталинизма. Все, что было "достигнуто" в ликвидации целых классов и сословий, в коллективизации и индустриализации, в тотальном подавлении человека, в массовых физических, духовных, моральных репрессиях и во многом ином, было достигнуто через механизмы государственности.

Само это государство было скроено и сшито по мерке сталинизма и под его нужды. И потому невозможно справиться с большевизмом, не затронув - более того, сохранив в неприкосновенности, - его главный инструмент - тоталитарное, милитаризованное и сверхзабюрократическое государство.

Именно государство в лице его структур и институтов было носителем всех качеств пред-перестроечного общества. В этом своем качестве оно и выступило против перестройки: вначале скрытно, через простое нежелание сотрудничать, через инерцию своих процессов и механизмов. Потом, на протяжении 1987-1990 годов - все более открыто и откровенно. И наконец, в 1991 году дошло до кровавых провокаций, до ущербной экономической и финансовой политики, до смыкания в ряде случаев с организованной преступностью и в конечном счете до августовского путча.

Такое государство и обновление несовместимы. Такое государство должно было или победить, снова задавив и подчинив себе общество и человека, либо рухнуть, уступив место принципиально иным отношениям между обществом, личностью, с одной стороны, и государством - с другой. В последнем случае подлежали принципиальному изменению и отношения как по вертикали, так и по гори-

88

зонтали государственных структур. А главное, государство перестает быть тотальным собственником, а становится выразителем баланса интересов множества самых разнообразных и равноправных собственников.

Но, сказав все это, надо видеть и другое. К лучшему или к худшему, путями достойными или несправедливыми, средствами благородными или негодными, из побуждений чистых либо низменных, но за десятилетия и века на пространстве СССР сложились, переплелись такие связи, которые просто невозможно разорвать без сильнейшего потрясения всего общества. Невозможно без хозяйственного и культурного упадка, без человеческих трагедий, без ущерба для международных позиций страны, в том числе и в сугубо материальном их выражении.

Все это - не гипотезы, а, к сожалению, уже горькие факты жизни.

Но это вовсе не означает, что для исправления ситуации надо вернуться к сталинской или брежневской конституции, к старому Союзу. Надо выстроить государственность заново по тем требованиям, которые отвечали бы целям свободы, демократии, центрального и высшего положения человека, его примата над государством. Ничего невозможного в этом нет, нужно лишь ясное видение сути дела и совокупная воля народа и власти.

Во время референдума советские люди высказались за целостное государство, руководствуясь новыми представлениями о путях и возможностях его обновления.

Сегодня ситуация иная.

Как снег на голову, упало Беловежское соглашение, вокруг которого сегодня бурлят страсти, высказываются самые разные мнения - от восторгов до проклятий. Да и судить о нем пока рано.

Много неясностей, нестыковок. Оно поставило много вопросов, ответов пока мало. Главный из них - правовой, конституционный, если мы действительно хотим строить правовое государство, в котором править будут не люди, а законы.

На мой взгляд, беловежское соглашение разумно рассматривать как инициативу, как поиск выхода из тупика. Время действительно не ждет. Обстановка действительно тяжелая и грозная, чтобы тратить силы на властные междуусобицы на всех уровнях. Кроме того, я опасаясь, что неопределенность, сумятица, которая сегодня налицо, может подтолкнуть к действиям авантюрные силы, в результате придется расплачиваться всем.

Думаю, что мы подошли к рубежу, когда необходимо народное согласие: и по форме государственности, и по экономике. Вероятно, был бы полезен плебисцит с четко поставленными вопросами, хотя мы и устали от череды выборов и голосований. С конституционной точки зрения новое объединение может завершить Учредительный съезд, делегаты которого были бы избраны по партийным спискам. Возможны и другие варианты, например, компромисс между проектом союзного договора и беловежским соглашением.

Но ведущий критерий здесь один: любые решения должны работать на пользу человеку, а не политикам. На пользу демократии, свободы и возрождения всех народов. Народам жить, им и решать.

Думаю, наше Движение могло бы высказаться по этому вопросу.

Тезис второй. Права человека.

Именно они - в самом широком понимании, включаящем, в частности, признание неотъемлемости экономической свободы каждого и приоритет прав личности над правами государства и любого другого общественного института или социума, - ключ к действительному возрождению.

Но именно правам человека угрожает и будет угрожать сейчас многое. От экономического кризиса, межнациональных и иных столкновений, преступности - до произвола старых и новых властей, возможности нового авторитаризма или бонапартизма. Реальное положение людей с этой точки зрения не улучшилось, более того оно стало уязвимее.

Примеры известны слишком хорошо, их слишком много.

Мы уже видим, как национальное обособление приводит к дополнительным и жестоким нарушениям прав человека, включая право на жизнь. Некоторые новые суверенные субъекты еще не сделали ни одного шага к реформам, не ввели никаких свобод, ничем не облегчили нужду людей, не записали на свой счет и самых скромных достижений. Но произвол налицо, льется кровь, гибнут сотни жизней, уже на десятки тысяч идет счет беженцев.

Это путь в мерзейшие этапы прошлого. Это военизация сознания, образа жизни, - а не поворот к праву и цивилизованности. И снова над человеком громоздится государство, интересы групп, которым безразличны судьбы людей.

Наш собственный и мировой опыт убеждают: чем выше интернационализация жизни, тем надежнее обеспечены права человека. И, напротив, чем более узок и замкнут социум, чем сильнее огражден от других, тем больше в нем возможностей произвола. Самое первое, что делает любая приходящая к власти диктатура, она отгораживается от внешнего мира.

Движение может сказать, обращаясь к властям всех уровней: не заиграйтесь! Ни в старые игры, ни в новые. Под одними из вас сук давно надломлен, под другими - еще не вырос. Рассуждения о государстве и власти для человека, а не наоборот, - не новый на-

бор красиво звучащих слов. Это единственный сегодня способ избежать беспрецедентной социальной катастрофы.

Реальное изменение правового положения человека в обществе и по отношению к государству – вот единственные основа, цель и критерий демократизации и обновления.

Мы обязаны сказать со всей четкостью уже сегодня.

- что с тревогой наблюдаем рост антидемократических тенденций и проявлений во многих местах; резко осуждаем подобную практику как антиконституционную и антинародную, противоречащую признанным международным обязательствам;

- что видим серьезное препятствие на пути реформ сегодня в смыкании черносотенства, национал-шовинизма и имперской психологии, и убеждены, что при разделении страны по национальному признаку эти опасные явления могут получить новые возможности, включая быстрое нарастание неофашизма;

- что наше Движение своей кардинальной задачей ставит защиту прав и свобод личности, последовательное утверждение в этих целях принципа разделения властей на законодательную, исполнительную и судебную, предотвращение любой монополии власти через действенную оппозицию.

Не справимся с этим – говорить обо всем остальном будет просто бессмысленно. Ибо места для демократии, свободы, возможностей для самореализации человека тогда попросту не останется.

Тезис третий. Драма нашей демократии.

На мой взгляд, демократические силы и тенденции переживают сейчас крайне опасный период. Опасный не столько внешней для них угрозой, сколько возможностью внутреннего перерождения, способного завершиться новой авторитарностью. Демократия тоже оказалась сейчас без оппозиции – сильной, кусачей, но конструктивной.

цивилизованной. Такой, которая бы делала ставку на квалифицированные парламентские компромиссы.

Демократия начала свою жизнь мощно и убедительно: поддержка народа, четко выраженная на выборах. Поддержка ясная, внушительная, не оставляющая сомнений в настроениях общественности.

У этой поддержки было два корня: острое и оправданное недовольство людей прежними структурами власти, людьми, которые их представляли и олицетворяли, итогами их деятельности. И надежды на обновление, перспективы которого связывались с приходом новых сил и лиц, мандатом на переустройство жизни, выданным в результате выборов.

Можем ли мы сказать, что надежды людей осуществились? Или хотя бы начали осуществляться каким-то ясным и понятным для людей образом? Можем ли мы сказать, также, что не рождено новых причин и поводов, новых оснований для недовольства? Оснований не только спекулятивных, искусственно раздуваемых, но самых что ни на есть объективных.

Ответ на эти вопросы, к сожалению, отрицательный. Реальное переустройство саботируется старыми силами, которые быстро переоделись. Смысл и цель обновления они усматривают в сохранении кресел, должностей и полномочий, в привилегиях и возможностях. Уровень беззакония, коррумпированности возрос по меньшей мере на порядок, наличие же сдерживающих центров и их эффективность уменьшились настолько же, если не больше. Человек стал бесправнее. Живет плохо. Он голоден и зол, опасно зол. Он отвернулся от старой системы, но уже отворачивается и от того, что ассоциируется в общественном сознании с демократической властью.

Сегодня это - пока тенденции. И несомненно, правы будут те, кто возразит, что демократия молода и неопытна, что она еще свя-

зана по рукам и ногам, что ее подставляют, и что вообще до настоящего ее становления еще далеко. Кроме того, тоталитаризм внизу живет и здравствует.

Все это так, но - тем более! Не перехватить эти тенденции у старта, не затормозить их здесь и сейчас - значит, открыть ворота новым бедам.

Это будет массовая истерия, усугубленная межнациональными столкновениями, сведение счетов всех со всеми. Это будет торжество самых низменных страстей, которые сметут и новую демократию, и вчерашнюю реакцию.

Вот почему в полный рост встают задачи противодействия стихии и эгоизму, рядящимся в одежды демократии. Противодействия явлениям корысти, политической и социальной близорукости, временщицкой психологии, попыткам возродить цензуру печати - прямую или косвенную. Противодействия той необузданной воле, которая сегодня еще может выглядеть торжество справедливости, - да и так ли это? - но с которой всегда начинался в нашей стране очередной раунд самоуверенности и произвола.

Это значит, что мы должны стать по существу правозащитным, правоутверждающим, правоцивилизирующим Движением.

Но если так, то нас ждут трудные времена.

Нам придется вступать в постоянные споры не только с остатками сталинизма, всевозможными проявлениями необольшевизма. Но и с теми новыми явлениями и процессами сегодняшней жизни, которые, с одной стороны, подрывают, разрушают прежний тоталитаризм и потому воспринимаются всеми как демократические, обновленческие. Но в то же время объективно несут в себе семена привычного пренебрежения к человеку, готовности манипулировать им, семена нового авторитаризма.

Полагаю, что в этом контексте было бы полезно обсудить и такой вопрос: считать ли наше Движение конструктивно-оппозиционным? Настроения такие есть. Вызываются они и принципиальной стороной дела, перспективами многопартийности. И реальной обстановкой, текущими событиями, их эволюцией. Наверное, в какой-то мере и отзвуками того времени, когда Движение зарождалось как оппозиция монополизму КПСС.

Но везде и всегда ли будет оправдана оппозиционность? Кому и чему она будет противостоять? Здесь надо смотреть, мне кажется, очень конкретно и индивидуально, с учетом всех местных условий.

Возможны разные подходы и все из них могут иметь основания. Давайте обсудим.

Тезис четвертый. О программе Возрождения.

У каждой партии или движения первым делом возникает вопрос о Программе. За последние годы их появилось множество. Не в изобретательстве новых сейчас дело, а в том, чтобы отобрать наиболее существенные, основополагающие предложения, и двигать их в жизнь. Мы уже знакомы с опытом усердия не по разуму, с гипотезой, превращенной в разрушительную утопию.

Мне представляется, что нашей идеологией должны стать практические дела по устройению нормальной жизни усилиями самого человека, и здравый смысл во всем этом. Не более.

Для меня эта программа выглядит как вбирающая в себя семь "Де". 1) Де-паразитация; 2) де-милитаризация; 3) де-национализация; 4) де-коллективизация; 5) де-индустриализация - экологическая; 6) де-монополизация; 7) де-анархизация.

Де-паразитация. Последовательное и радикальное освобождение жизни, общественного устройства от всего, что делает возможным и даже выгодными любые формы социального паразитирования.

Жизнь за свой счет, на заработанное трудом должна стать неотвратимым нравственным требованием для всех. Для человека, для коллектива, для государства. Социальное паразитирование - не только бездельник рядом с тружеником, чиновник на синекуре. Это и неоправданные массовые дотации там, где давно пора изменить экономические отношения. Это и дефицит государственного бюджета. Это ставшая нормой экономическая безответственность.

Но мы никогда не избавимся от социального паразитирования как явления, если не осознаем всех масштабов люмпенизации общества.

Де-люмпенизация - наиболее трудное, что стоит на пути всех и всяческих реформ, тем более демократии с ее требованиями к человеку. Люмпенизация не вчера появилась, но, конечно же, наше государство - единственное во всемирной истории, которое десятилетиями запрещало человеку зарабатывать столько, сколько он может. По-библейски вечно истинное "в поте лица своего" люмпены называли "рвачеством", "обуржуазиванием", "перерождением", "шкурным интересом" и т. д.

По самым скромным подсчетам, в стране сейчас 40 миллионов паразитных должностей. Их число увеличивается с каждым днем.

Сюда надо прибавить тьму убыточных предприятий, колхозов и совхозов, работники которых сами себя не кормят, следовательно, паразитируют на других. А все мы - вольно или невольно - паразитируем на природе. Благо, что не обделены богатством.

Проблемы босячества, зависти к заработанному достатку, "комплекс Сальери" - это те рефеодальные камни на нашем пути, на

которых демократы будут спотыкаться на каждом шагу. И падать придется.

Как же провести депаразитацию общества? Частная собственность, верховенство закона, богатство по труду как основной принцип в условиях частной собственности, резкое сокращение государственного и иного аппарата на всех уровнях.

Депаразитация - зубная боль перестройки. А дантист - рынок. Только рынок определяет количество и качество труда, справедливо оценивает его.

Де-национализация. В 1990 году было обнаружено: в национальном богатстве страны 96 процентов принадлежит государству, его структурам типа государственных профсоюзов, государственных колхозов, казенной промкооперации, огосударвленным общественным организациям. Де-национализация - это обретение собственностью реального хозяина.

Мы достаточно натерпелись и еще больше потеряли во всех отношениях от порядка, при котором вся собственность - государственная. Мы родили новый класс - класс распорядителей. При ничейной собственности он прославился своей безответственностью, возможностью перекладывать на плечи народа все тяготы и потери, вызываемые некомпетентностью, корыстью и безнравственностью этого нового класса.

Отняв у народа право собственности, его не освободили - его превратили в коллективного раба, обрекли на нарастающую люмпенизацию, поставили в тотальную зависимость не только от государства, но и от любого мелкого чиновника, и в то же время создали уникальные возможности для сращивания преступности с государством.

Де-индустриализация - это ускоренное возрождение мелких и средних предприятий, производств. Поощрение экономической инициативы и самостоятельности граждан, их ассоциаций и объединений.

Наша цель - сделать экономику самостоятельной, а человека экономически свободным. Это значит вырвать предприятия из-под чиновного владычества, передать их в подчинение только закону и налогу, создать новый социальный слой, слой предпринимателей, менеджеров, фермеров, других представителей третьего сословия. Не "индустрия", подчиненная центру или иному феодалу, а свободная экономическая деятельность миллионов свободных хозяйственных субъектов - коллективных и частных, - наличие предприятий всех типов и размеров, занятость всех потенциальных ниш на рынке и возможность конкурировать на них и занять их - вот что способно спасти нашу страну!

Догматизм - священное писание сталинистов и духовная мать-кормилица тоталитарного режима. Инерционное сознание не раз подводило и реформаторов. Не хватает смелости и правящим демократам, которые нет-нет, да и спотыкаются о реформы.

Требование самой жизни - деиндустриализация экологическая. Веками и тысячелетиями заложено в нас потребительское отношение к природе. Ничейная собственность, всеобщее безразличие, ведомственный произвол, тотальная бесхозяйственность, психология временщиков "вверху" и "внизу", абсолютная безответственность и все это - при мощи современной техники, грозят оставить нас в пустыне. А значит, ввергнуть в полосу борьбы за биологическое выживание.

В течение столетий, покоряя природу, люди волей-неволей оказались в плену стихийного автоматизма экологических бед. Цепная реакция разрушений в системах самовоспроизводства живой при-

роды близка к фатальному исходу. Дальше нарушать механизм разумности в экосистемах природы смертоподобно.

В этих условиях неизбежен переход к экоразвитию, принципиально новому этапу материально и духовного прогресса цивилизации. Разумной альтернативы оно не имеет. Безумных, концесветных вариантов - избыток.

- С точки зрения экономической экоразвитие - это процесс перевода мирового хозяйства на безотходные технологии, максимально возможная биологизация производства, самого образа жизни, достижение гармонии между обществом и природой;

- с точки зрения социальной - стремление сплавить воедино знание и гуманизм, что позволит создать систему "самоограничений", ликвидировать голод, болезни, нищету, обездоленность;

- с точки зрения философской - народение новой цивилизации, очищение от древних и новых атавизмов разума и души человека, который становится, говоря словами И.Канта, "ответственен за человечество в своем лице";

- с точки зрения политической - мировое сообщество людей, сотрудничество между государствами социально-расколотого сейчас человечества.

Де-милитаризация. Вывод экономики из пике обслуживания гн-ки вооружений и военно-промышленного комплекса, пике, которое не может завершиться ничем иным, кроме экономической и социальной катастрофы.

Задача демилитаризации становится тем актуальнее, что в ряде республик, не начав еще ничего практического в интересах человека, уже спешат обзавестись собственной военной машиной с перспективой пустить ее в дело.

По разным данным, до сих пор львиная доля нашей экономики работает чисто на военную сферу. Вторая по величине доля - на промышленность. И только около 6 процентов - на человека. то есть коэффициент социально полезного действия социалистической экономики оказывается где-то на уровне паровоза.

Де-милитаризация общества - не отказ от обороны и армии, как проповедают те, для кого спекуляции на псевдопатриотизме давно уже стали бездонной кормушкой. Де-милитаризация - это перевод обороны и армии на рациональные рельсы, безусловное требование эффективности, профессионализма, умения соотносить затраты и результат, отчетности перед органами власти и обществом в целом.

Почти полвека минуло с окончания второй мировой войны, а мы до сих пор разобраться не можем, сколько же средств ухлопано на военные нужды, куда и как именно. Ясно, что много, но сколько именно?

И так ли уж бескорыстна секретность, верно ли, что она направлена против потенциального противника? Если невозможно проследить все и всяческие расходы, то очевидно, что здесь широчайшее поле для любой бесхозяйственности и любых злоупотреблений.

Надо ясно и откровенно признать: военно-экономическое соперничество нам не по силам, в него недопустимо было ввязываться с самого начала, его давно пора кончать.

Но проблема серьезнее ее экономических аспектов. Демилитаризация затрагивает сознание, общественную психологию, образ жизни.

Демилитаризация - это значит, что мы живем в обществе равноправных граждан, а не среди явных или скрытых "врагов".

Демилитаризация - это значит, что мы живем в жестком, но нормальном мире ответственных государств.

Демилитаризация - это значит, что мы уходим от авторитарности, иерархичности общественных отношений, государственных и общественных институтов, заменяя эту иерархию демократией и правом.

К сожалению, за шесть лет переустройства общества сделано в это области очень и очень мало. Здесь очевидны и неоправданные уступки военно-промышленному комплексу, и отсутствие разумной концепции конверсии, и надежды старых структур на возвращение прошлого, и реальные трудности, связанные с разоружением и сокращением армии, с решением социальных проблем офицерства.

Де-коллективизация. Это свобода хозяйствования на земле, и собственности на землю. Всемерное развитие фермерства, превращение колхозов в подлинные кооперативы, выступающие на рынке на общих основаниях.

Известно, что марксистские классики не любили крестьянство. Он и темен, и глуп, и жаден, и бесконечно порождает буржуазию. Большевики повели себя в крестьянской стране как иноземные завоеватели. Продотряды по жестокости превзошли все мыслимое и немыслимое. В гражданскую войну - институт заложников. Огнем артиллерии сметались заложенные деревни. Геноцид казачества, физическое уничтожение люмпенскими "комбедами" работающих крестьян.

У крестьян было отнято все - жилье, хлеб, скот, скарб. И даже сейчас крестьянский дом стоит на земле, хозяину не принадлежащей. Без частной собственности на землю не создать средний класс, который, с одной стороны, мог бы противостоять бюрократии, с другой - люмпенам всех мастей. Только частная собственность в силу своей генетической нацеленности на всеобщую эконо-

мию на базе научно-технического прогресса остановит порушение и уничтожение земли, вод, лесов, всего живого и сущего.

Оздоровление страны может пойти только с земли. Здесь не может быть компромисса, имея в виду, что колхозно-совхозный Агроулаг крепок, люмпенизирован беспредельно. Мы обречены, повторяю, обречены, если не доведем земельную реформу до конца, если крестьянин не получит землю. Тут наша позиция должна быть ясной.

Демонополизация. Прямой запрет по закону на любые формы монополизма, в абсолютном большинстве случаев раздел сложившихся монополий. Признание конкуренции нормальной, естественной и общественно необходимой частью жизни, ее главным здоровьесоздающим фактором. Защита конкуренции всеми средствами закона и общественного мнения. Жесткие экономические санкции за нарушение антимонопольного законодательства.

Монополия не только гниет сама, она тянет в пропасть и экономику, и общество. Обрекает на техническое и иное отставание. Сеет вокруг себя коррупцию, бюрократизм. Объективно подкрепляет и умножает авторитарные тенденции в общественной жизни.

Особое направление демонополизации - допуск на наш рынок на общих основаниях иностранных фирм и компаний. Но до сих пор мешают те интересы, которым неуютно в условиях рынка и конкуренции. Сейчас ведется подлинная хозяйственная война за то, чтобы через совместные предприятия по сути поставить "иностранцев" под контроль новой хозяйственной бюрократии и старых, антирыночных интересов.

Необходимо создавать все условия и гарантии для того, чтобы иностранные фирмы могли действовать на нашем рынке непосредственно, были бы надежно защищены нашими и общепризнанными

международными законами. Иначе нормальной экономики, как и нормальной жизни, не достичь.

Де-анархизация. Парадокс нашего общества: жесточайший тоталитаризм уживался и продолжает уживаться с беспрецедентным анархизмом.

Возможность произвола сверху создает простор и для произвола на всех иных уровнях. Конечно, в иных масштабах, на ином "материале", в разных направлениях, но все равно произвола.

Но и противодействие произволу официальному тоже невозможно иначе, как через произвол революционеров. Невозможно по той простой причине, что в системе самодержавия или же военно-бюрократического строя нет места закону. Его уважению, его действительному и строгому соблюдению.

Деанархизация - это возведение в абсолют закона, права и законности. Это конец любому произволу любой власти. Утверждение государственной, гражданской, технологической и бытовой дисциплины. Налаживание и защита всей системы обратной связи в обществе. Неотвратимость ответственности за любые беззакония, творимые любым лицом или государством.

Но проблема сегодня не только в анархии как таковой, в торжестве беззакония. Проблема в отсутствии доверия к государству и его органам. В таких условиях любая политика становится неэффективной, а граждане воспринимают новые законы не как разумную необходимость, но как очередной выпад против себя.

Особый срез этой проблемы - укоренившаяся привычка нарушения закона со стороны законодателя и исполнителя. Закон одинаков и обязателен для всех - это и есть де-анархизация. К сожалению, в последнее время сделано немало такого, что еще на деся-

тилетия отбрасывает восстановление доверия к государству и его законам.

Правовой нигилизм достиг катастрофического уровня. Не спохватятся вовремя новые власти, не образумится новое чиновничество, все демократические начинания будут погребены под обломками разрушительной стихии, беспредельного правового нигилизма.

Итак, если не сделать решительных штатов по этим направлениям, то едва не стоит надеяться на изменение ситуации - экономической, политической и духовной-, на построение правового гражданского общества. Именно в эти узлы нашей жизни встроены мощные тормозы прежней системой, которая может уйти, если только исчезнет этот ее крепчайший каркас.

Тезис пятый. Размышляя о будущем страны, о целях и предстоящей деятельности нашего Движения, неизбежно приходишь к выводу: самый серьезный из переживаемых нами сегодня кризисов лежит в сфере нравственной.

Общество держится либо нравственностью, либо насилием. Третьего не дано.

Нравственность - не только библейские заповеди, Нагорная проповедь или правила хорошего тона в быту. Нравственность - это отношение к жизни и трудовая этика.

Какую позицию занимает человек в жизни - активную или созерцательную; творца или трутня; работника или насильника; человека мыслящего и ответственного либо бездумного робота? С этого начинается все- культура, экономика, политика, идеология, быт.

Противоречие между творцами и паразитами, производителями и трутнями, людьми морали и адептами воинствующего аморализма. изначально заложено в обществе. Но только XX век с его уровнем требований к личности вывел это противоречие на авансцену исто-

рии. И мало где оно получило такую остроту, как у нас, где общество и государство с самого начала строились на преднамеренном удушении первых и возвышении вторых.

Выбор, который перед нами объективно стоит, будет определяться не рынком или демократией, и не тем, какая партия окажется у власти, в каком составе будет Союз и будет ли он вообще.

Исторический выбор в том, пойдет ли общество, страна к возвышению человека, каким бы трудом он ни занимался. К созданию для него свобод и условий, к его социальной защите, к признанию его самоценности, к утверждению за каждым человеком неотторжимого права на самореализацию.

Или же мы окончательно повернем к люмпенопоклонству, и тем самым обречем общество на нравственное вырождение, а следовательно, и физическое разложение, сделаем его источником заразы для всего мира.

Эмоции вокруг всего этого оправданы, но совершенно не оправданы эмоциональные решения.

В начале перестройки борьба наверху была необходима для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки дело перемен. Но она не получила рационального продолжения. Будучи не подкрепленной демократической организацией общества на нравственных началах, эта борьба вырождается в феодальный передел вотчин, княжеств и кормлений, не более.

Без действительной экономической свободы человека, суверенитета собственности нам никогда не вырваться из шараханий и дерганий власти, из эгоизмов и коррупции - кто бы ни оказался в правителях.

Наше Движение обращено не к одному классу или группе. Мы апеллируем ко всем тем - независимо от их социальной принадлеж-

ности, - кто стремится реализовать себя в жизни в любом качестве. Кто хочет трудиться, зарабатывать, достигать. К людям активной жизненной позиции. Ко всем, кто основу общественной организации видит в здравом смысле человека, а не в извращенной логике бюрократизма. Кто живет по нравственности и по закону. Такие люди есть во всех социальных слоях. Они - подлинная опора общества, без них общество мертво.

Тезис шестой. Императивность радикальной Реформации

Впрочем, нужны ли реформы, подготовлены ли они исторически? Императивны они, или же вопрос их притяжения или непритяжения - дело сугубо личных предпочтений?

Я был убежден в преддверии 1985 года, остаюсь убежден и сегодня: реформы императивны. Не буду повторять аргументацию в их пользу - она известна. Реальное положение дел оказалось даже худшим во всех отношениях, чем то, каким оно представлялось у старта преобразований.

Еще на начальном уровне понимания ситуации был поставлен вопрос о выходе на иной порог качества общественной организации. Но главная задача осталась до сих пор нерешенной. Положение человека, личности в общественных, государственных, экономических структурах не претерпело серьезных изменений. А между тем именно оно, это положение - источник наших бед. Именно оно - корень тех соображений, обстоятельств и факторов, которые сделали Реформацию неизбежной.

История свидетельствует: общество, в котором человек и даже целые народы - грязь под ногами, возможно. Такое общество способно существовать, но оно никогда не поднимется выше чисто

биологического существования, ничего не откроет, не запустит тот сложный и неоднозначный процесс, который через муки и жертвы, но все же ведет к возвышению человека и человечества.

Вопрос об императивности реформ - это по существу вопрос о том, кем и чем хотим мы быть в этой жизни.

Да, преобразования начались в иной системе интеллектуальных и политических координат, чем те, что есть сегодня. Но они начались, и общество уже просто не может быть "заморожено" в переходном состоянии. Процессы неизбежно пойдут дальше. Вопрос лишь в том, пойдут ли они стихийно, под влиянием столкновения корыстей и амбиций или же осознанно и целенаправленно, с максимумом ответственности перед народом и миром.

Единственно разумный путь сегодня - это путь радикальных перемен через реформы, широкое согласие, конституционный процесс и народовластие, возрождение институтов и ценностей гражданского общества. Такой путь еще возможен при условии ответственного отношения ведущих политических сил к исторической судьбе Отечества.

Этот путь предполагает решительное осуждение любого экстремизма, отказ от соблазна волевых, неконституционных и тем более силовых мер для решения политических разногласий.

Это путь разумных компромиссов, т.е. встречных шагов и добровольного самоограничения как со стороны тех, кто готов горой стоять за прежние принципы, так и тех, кто убежден, что новую историю надо начинать с очередной расчистки стройплощадки.

Самоограничение, которое должно быть оправдано, если уж не заботой о менее болезненном пути преобразования общества, то, хотя бы обоюдной ответственностью за то, чтобы уберечь страну от

нового драматического поиска ответа на ложный вопрос - "кто кого".

В этих целях мы должны быть готовы сотрудничать со всеми партиями, силами, движениями, союзами, которые стоят на позициях общественно-политических и экономических реформ, защиты демократии, если возникнет угроза ее подавления или ликвидации. Заданных схем тут не должно быть.

Уровень культуры вообще и политической в частности проявляется во всем, что происходит. Считаю, Движение должно сделать повышение политической культуры одной из своих целей. И твердо придерживаться само тех норм и правил, которые характеризуют современную политическую, парламентскую культуру - как в собственных внутренних делах, так и во всем остальном.

Я убежден, что время для социального и политического реформизма пришло не только для нашей страны, но и для всего человечества, которое завершает XX век с осознанием, что ни одну из своих истинных проблем оно не может решить силой. Иначе говоря речь идет о необходимости нахождения баланса интересов, т.е. компромисса.

В экономике - путем ограничения стихии рынка, безудержного потребительства, растраты природных и энергетических ресурсов, неконтролируемости научно-технического прогресса, урбанизации.

В политике - путем цивилизованного сопоставления программ и альтернативных путей общественного развития, предлагаемых различными политическими партиями и движениями, и предоставлением права народам принимать решения демократическим путем на основе свободного выбора.

В социальной сфере - путем создания эффективной системы защиты малообеспеченных, инвалидов, детей и пенсионеров, страховки

от последствий временной безработицы, достойного человека медицинского обслуживания, гарантий демократического доступа молодежи к образованию и получению современной профессии.

Защита слабых для здорового общества - это не только его моральный долг, это и важнейшая экономическая и социальная потребность, ибо представляет собой гарантию его социального и нравственного мира.

В международных отношениях - это согласованное самоограничение суверенитетов в пользу ориентации на общечеловеческие интересы и ценности. Такая политика предлагает миру впервые в его длительной истории совместный путь строительства единого мирового сообщества, которое, сохраняя свой плюрализм и многообразие культур, национальных традиций и социальных порядков, будет следовать единым нормам права, гуманизма, интересам поддержания мира.

Мы многое поняли за прошедшие годы и особенно в драматические дни августа. Рывок к демократии, к нормальной организации жизни сделан. Но это еще не гарантия конечного успеха. Это всего-навсего старт. И старт, принятый в неожиданной для нас обстановке, в непредвиденный момент, в неблагоприятных условиях.

Наше сознание очень долго было опутано и добросовестными заблуждениями, и искренними иллюзиями, и ложью. Но мрак и туман постепенно рассеиваются, сама жизнь ставит нас перед необходимостью и возможностью прозреть, понять, разобраться.

Нашу мысль изолировали спецхранами, кропили дистиллированной водой не критической веры, ей старательно подрубали корни и подрезали ветви. Что ж, она и в изоляции до многого дошла сама, открыла заново давно открытое, но нам неизвестное, прорвала кокон догматизма и вырвалась на свободу.

Нашу нравственность поколениями воспитывали в понятиях, подчиненных пользе и выгоде существовавшего порядка. Мы увидели и поняли, что основанный на подобной нравственности порядок аморален.

Нас пытались облагодетельствовать через систему всеобщего иждивенчества. Но задача оказалась невыполнимой, а рабы - неблагодарными. Они взбунтовались, поняв, что прежние порядки неминуемо ведут к катастрофе.

К катастрофе в экономике, в морали и генетическом фонде народа. В экологии и в самой способности трезво мыслить. Во внешней политике и элементарном выживании.

Каждый из нас проделал в этот зал свой путь. Но все и вся страна прошли и путь общий. Последнее дело - кого-то обвинять во всем пережитом, испытанном, перенесенном. Да, на каждом лежит свой крест. Но и народы, и страны, как и отдельный человек, имеют свое детство, юность, зрелость. И народы, и страны сами торят свою тропу через историю.

И доколе мы будем кого-то винить в неудачах, тупиках и трагедиях, до тех пор обречены повторять их снова и снова. Ибо зрелый человек лишь в последнюю очередь задается вопросам "Кто виноват?". А в первую спрашивает себя: "Что я могу, хочу и должен сделать?"

Мудрость человека в его способности увидеть и встретить жизнь такой, какая она есть. Найти разумное и нравственно зрелое решение, не прибегая ни к слабости силы, ни к комплексу прекраснотушной утопии. Свободный человек - тот, кто не боится познания и самопознания, для кого совесть - наивысшая ценность.

Я ставил для себя задачу лишь попытаться обосновать тезисы о том, почему необходим новый шаг в демократическом развитии при

каких условиях оно возможно. Убежден, что только в условиях формирования новой нравственной, политической и духовной атмосферы реален поворот к гуманизации социального бытия человека, утверждению суверенитета и самоценности личности, независимо от его политической и национальной принадлежности.

Коренным условием духовного, экономического и политического здоровья нашего общества должна стать полнокровная демократия, ради защиты и продвижения которой мы и собрались сегодня.

В этой сложнейшей обстановке, обстановке слома тысячелетней парадигмы нашей жизни, мы с Вами обязаны сделать все - политически и нравственно, - чтобы личность обрела наконец свободу. Другой возможности исторически долго не будет.

13. ХП. 91

А. Яковлев

8408 / 15.1